

К счастью, Вань Цзюньи была человеком спокойным, Ли Чжао её слушалась, да и Нин Су подала им знак глазами, так что они не стали обострять ситуацию в самый её разгар.

Однако те, кто до сих пор лишь наблюдали, — люди из Цзюэма — неожиданно вмешались.

— Гуцзи не требует объяснений, но Арута (на языке Цзюэма — уважительное местоимение «я») требует. Дайте Цзюэма объяснение!

Улыбка Цао Маня мгновенно застыла. Он недоумевал: что ещё задумали эти цзюэма?

— Хе-хе-хе, господин Да Ли, с чего бы вдруг?

Посол Цзюэма Да Ли был ростом в восемь чи, с плечами, как у быка, и спиной, словно у тигра — типичная грубоватая внешность жителя Великой Пустыни. Особенным было лишь одно: его глаза, всегда широко раскрытые, и тот хищный блеск в них. От его взгляда обычный человек невольно съёжился бы.

Голос Да Ли прозвучал как волчий вой:

— Как это «с чего»? У Арута здесь человек погиб, а ты не в курсе?

Цао Мань опешил, но тут же вспомнил — вчера, когда случился пожар, чиновники докладывали: «двое погибших»...

— Нет, конечно, знаю. Кстати, я как раз собирался дать вам объяснение.

Цао Мань искренне чувствовал, что ему невероятно тяжело...

— Но объяснение следует дать после осмотра тела, не так ли?

— Хм! — Да Ли фыркнул, не выражая ни согласия, ни отказа.

Однако он настоял, чтобы осмотр проводила Вань Цзюньи, — явно не доверяя Цао Маню.

Цао Мань скривил губы, взглянул на Нин Су. Та улыбнулась, но не отказала. Пришлось ему уступить желанию Да Ли.

Так вся процессия переместилась в покои, отведённые Цзюэма. Посол Бэйяня Жу Янь и посол Гуцзи Ели Дулу последовали за ними — нельзя было допустить, чтобы в их отсутствие на них звалили вину.

Погибший среди цзюэма отличался от посла Гуцзи кардинально. Не было ни малейших внешних повреждений, лишь крошечная алая точка на горле, и умер он, судя по всему, без единой муки.

Вань Цзюньи, осмотрев тело, могла лишь сказать: этого человека убила мощнейшая внутренняя энергия, мгновенно «перерезавшая» ему горло. Мастерство убийцы было непостижимым.

Это ввело всех в замешательство. Цао Мань никак не ожидал, что в деле замешан настоящий мастер боевых искусств...

Да, этот ход не был его замыслом.

Цао Мань тут же сообразил: возможно, это козни той женщины из Лоюэ.

Однако, бросив взгляд на Нин Су, он увидел, что та тоже хмурится — и выглядело это неподдельно.

— Цао, Арута ждёт объяснений.

Видя, что все молчат, Да Ли нарушил тишину. Он уставился на Цао Маня, словно уже считая его виновным, и его рука бесцеремонно легла на рукоять кривого меча у пояса — явная угроза.

Цао Мань покрылся холодным потом. Он не боялся угроз — он боялся не понять, чего хочет противник. А что именно нужно Да Ли, он не имел ни малейшего понятия.

— Погод...

Едва он начал, меч Да Ли уже блеснул в ножнах. Он ещё не занёс его, но угроза висела в воздухе.

Цао Мань сглотнул, забегал глазами в поисках поддержки. Увы, никто не смотрел в его сторону.

— Это Цзян... — По привычке он уже готов был свалить всё на Цзян Чжао.

Но не успел договорить, как в покои смело ворвался чиновник и поспешно доложил:

— Докладываю господину Цао! Генерал Чжао Фэн с тридцатью тысячами воинов уже у ворот заставы!

Цао Мань обрадовался.

— Приёмный отец!

Чжоу Сюань ворвался на тренировочный плац Резиденции генерала. Его приёмный отец, Чжоу Чжоу, как раз выполнял утреннюю практику, разминаясь с длинным копьём.

Видя, как его бледный и взволнованный приёмный сын мчится к нему, Чжоу Чжоу, видимо, уже всё понял. Он не прервал упражнений, лишь бросил Чжоу Сюаню взгляд.

Тот, конечно, уловил намёк. Глубоко вдохнув, чтобы успокоиться, он сказал:

— Как вы и предполагали, Чжао Фэн пожаловал к Заставе Вэйлин с тридцатью тысячами. Прошёл через внешние ворота — наверняка уже замечен лазутчиками других государств.

Услышав это, Чжоу Чжоу нахмурился, но промолчал. Его рука с силой выбросила копьё вперёд, и острие со свистом рассекло воздух.

Закончив приём, он опустил древко на землю с тяжёлым стуком.

— Хм. Парень этот хочет развязать войну на всех пяти фронтах?.. Нет, скорее, он против меня строит козни.

Пробормотав это себе под нос, он перевёл взгляд на почтительно склонившегося Чжоу Сюаня.

— Сюань, ступай в Резиденцию Гуаньцина. Скажи Вэй Цзинлинь, чтобы готовилась покинуть Заставу Вэйлин.

Чжоу Сюань поклонился и удалился.

После его ухода Чжоу Чжоу водрузил копьё на стойку для оружия и направился в самый глухой угол Резиденции генерала. Там стояла дверь, что не открывалась много лет.

Приложив свою широкую, грубую ладонь к пыльному полотну двери, Чжоу Чжоу увидел перед собой картины прошлого.

Тогда: Боевые барабаны грохотали, как гром, ночи наполнялись песнями, и вино лилось в память о павших братьях.

Теперь: Господин улетел на журавле в небеса, мы же, в потрёпанных доспехах, одиноки, и вино больше не льётся.

— Эх...

Он тяжело вздохнул, надавил — и дверь со скрипом поддалась, подняв облако пыли. Чжоу Чжоу не обратил на это внимания, шагнул внутрь и направился прямо к серебряным доспехам, покрытым слоем пыли.

На латах проступали тёмные пятна — следы долгих лет, проведённых в кровавых битвах. Чья это была кровь — врагов, его собственная или товарищей — он уже и не помнил.

Но когда его пальцы коснулись холодного металла, ему вдруг показалось, будто он снова юн, полон задора, снова на поле боя, где кровь стучит в висках. И в ушах словно прозвучал добрый, тёплый голос господина Вэя.

— Когда-нибудь в Поднебесной явится милосердный государь. Он будет завоёвывать мир не мечом, а добродетелью. И тогда Армия семьи Вэй склонится перед милостивым правителем. Но до той поры мы должны беречь корни Армии семьи Вэй. Чжоу Чжоу, Застава Вэйлин — в твоих руках.

Едва голос умолк, Чжоу Чжоу разрыдался. Он сложил руки в приветствии и низко склонил голову.

— Пови... Повинуясь!

...

Возвращаясь в Резиденцию генерала, Чжоу Сюань по пути заметил Цао Маня во главе толпы чиновников — они встречали Чжао Фэна, входящего в город.

Огромное войско нарушило покой Заставы Вэйлин, наполнив воздух тяжёлым, сладковатым запахом крови, что исходил от солдат Чжао Фэна.

Кровавый призрак Чжао Фэн.

Чжао Фэн отличался от других генералов. На поле боя он жаждал не победы — он жаждал, чтобы его алебарда наполнилась крови из вражеских черепов, чтобы кровавое море залило землю у его ног. Его армия была такой же — все они жаждали крови.

Его зверская жестокость гремела по всей Поднебесной. Армии других государств старались избегать столкновений с Чжао Фэном, стремясь к быстрым победам, лишь бы не дать его партизанскому войску вступить в бой.

Но на деле, помимо своей ужасающей репутации, армия Чжао Фэна не могла сравниться с армией Ван Сюя из Чанцюэ в стратегии, с армией Бай Сяо с юга — в численности, а с армией Байли с севера — в стойкости. Однако она была как заноза с двумя остриями: тронешь — кровь хлынет, не тронешь — будет мучить.

Чжао Фэн также любил поиздеваться над простолюдинами и прибрать к рукам чужих жён. Его поведение было столь отвратительно, что императорский двор не решался отправить его куда-либо на защиту границ. Вместо этого ему присвоили титул «партизанской армии», позволяя свободно перемещаться и поддерживать разные фронты. Страдали ли от этого приграничные жители — двор не волновало.

На поле боя он несколько раз сталкивался с таинственным стратегом из Лоюэ. Тот, едва завидев его, немедленно отступал, не решаясь вступить в прямой бой. Это невероятно радовало его главного покровителя — министра Е Ши — и делало самого Чжао Фэна всё наглее.

Однако сам он от этого не испытывал удовольствия. Он жаждал крови, а Лоюэ уклонялся от схваток, и это его душило. Зато союзник Лоюэ, Цзюэма, были народ горячий. Каждая битва с ними, независимо от исхода, была для него отрадой — даже если поле после неё представляло собой жуткое зрелище.

<http://bllate.org/book/16264/1463859>